

инициировали разработку Стратегии развития информационного общества в России, утвержденную Советом Безопасности РФ до 2015 года. Этот программный документ в контексте концепции обществ знания отдает приоритет научным знаниям как реальному фактору экономики, повышению качества образования, развитию человеческого потенциала, расширению прав и возможностей граждан в получении и использовании информации и знаний. «Точками роста» общества знания в России является широкая

диверсификация образования, пристальное внимание к проблемам его качества и релевантности как условия вхождения в мировое образовательное пространство.

Литература

1. К обществам знания : доклад ЮНЕСКО. – Париж, 2005. – 240 с.
2. Стратегия развития информационного общества в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minsvyaz.ru/ministry/documents/1117/2460/2461.shtml>.

Прагматика визуальных практик в аспекте философии образования

Л.В. Нургалеева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Рассматриваются онтологические проблемы, связанные с развитием современных практик визуального моделирования и их адаптацией к образовательной среде. Развивается идея о том, что прагматика визуального опирается на развитие схем управления восприятием человека. В центр внимания попадает вопрос о том, что представляет собой образное мышление и какие его аспекты могут включаться в исследование проблем развития образовательных технологий и практик.

Главным объектом исследования философии образования выступает человек, обладающий способностью к разработке определенных концепций действия в меняющихся условиях, в том числе и проектов, предназначенных для реализации потенциала собственного мышления. Современная эпоха, все активнее включающая в процессы познания реальности новые средства визуализации данных, порождает критическую множественность пространственного опыта человека. Последствия этого явления требуют серьезного осмысления. Разные виды графических интерфейсов и программ,

позволяющих поддерживать разные формы визуализации данных, являются не только свидетельством активного интереса к экранным технологиям, но и свидетельством актуальности человеческих практик, имеющих отношение к когнитивной коадаптации мышления. Одним из аспектов исследования может выступать анализ разных форм визуального восприятия и их зависимость от структурных и функциональных особенностей носителя информации. Технологически подобные задачи могут решаться на основе специальных средств мониторинга, позволяющих создавать динамические описания зрительных процессов и оценивать их характеристики с учетом тех или иных когнитивных функций. Они позволяют взять за основу анализа некоторую последовательность рутинизированных визуальных операций и соотнести ее с физической средой. Но подобный инструментарий является одним из средств сбора аналитических данных и не снимает вопрос о концептуальном осмыслении прагматики визуального как важного проекта интердисциплинарного дискурса, формируемого

спецификой разных коммуникативных практик и форм опосредования общения. На сегодняшний день нет достаточно отчетливых представлений о том, как именно влияет применение тех или иных визуальных технологий на мышление человека, какие характеристики являются наиболее значимыми в изучении проблем, связанных с эволюционной комплексностью природы человека. Новые формы и методы медиального опосредования, представляющие собой фокусированные и нефокусированные системы управления мыслями и чувствами людей, оказываются не только мощным инструментом моделирования, мобилизации, стимулирования общения, но и источником процессов дезадаптации и реструктуризации привычных социокультурных матриц. Если становление человека понимать как многомерный морфогенез, складывающийся из взаимодействия экологических, генетических, мозговых, социальных и культурных факторов, то возникает необходимость изучения опытов развития визуальных практик в этом процессе.

Процессы, разворачивающиеся в современной системе образования, могут исследоваться на основе анализа коммуникативного опыта, предпринятого в разных научных сферах – философии, психологии, педагогике, социологии, культурологии и т. д. Если говорить об образовательных аспектах этой проблемы, то нужно отметить, что особый интерес представляет изучение вопроса о том, как то или иное средство визуального представления информации вписывается в методическую схему предметности, как оно позволяет сохранять имеющиеся аналитические техники и объяснительные возможности обучающихся, поддерживать смысловые основания проектно-исследовательской деятельности. В самом общем виде исследовательские задачи могут формулироваться как решение проблемы несоответствия наблюдения, описания и формирования схем понимания. Различные иконические представления часто несовместимы друг с другом. В их основе лежит представление о гетерогенности процессов восприятия пространства и их общности. По мнению Б. Верлена, понятие пространства служит формальному упорядочению телесно

воспринимаемых протяженных данных [1]. Оно формируется благодаря различению физического и смыслового аспектов многообразных комбинаций действия и имеет формально-классификационный характер. Образность мышления представляет собой исторически становящийся, социально сгенерированный продукт, ценность которого заключается в сохранении некоторого содержания – определенности действия и локализации места. Перспектива таких опытов социально задана.

Процессы визуального взаимодействия принимают форму структурированного процесса, помещенного в структуру социального пространства и приобретающего свою самоидентичность как аспект человеческого поведения. Если образ – продукт воображения, посредник между восприятием и понятием, то его основная функция связана с возможностью сопровождения описания реальности созерцанием. «Воображение – это скорее медиальная парадоксия и обьязано продуктивности парадокса. Замысел, направляющий творчество, постепенно реализуется в образе, который возникает в другой среде (медиуме) как вымысел. При этом происходят изменения, пропуски, дополнения и тому подобное, так что о подобии можно говорить только в ограниченной мере» [2, с. 129]. Образ служит чувственной стилизацией зримой действительности. Кажется, что он призван делать мир представимым для человека, но он способен заслонять его собой, заполняя пространство между миром и человеком. Образы могут приводить к исчезновению «действительного» за потоками интерпретированных восприятием данных. По мнению К. Вульфа, перед современными исследователями стоит важнейший вопрос: что такое образ? Он влечет за собой поиск ответов, позволяющих с некоторой долей достоверности судить о том, что образы делают с человеком? Как образы задают границы человеческого самовосприятия? Имеет ли смысл говорить об образах? Следует ли проводить разграничение между различными видами образов?

К. Вульф задается вопросом, каково антропологическое значение способности создавать, вспоминать и переструктурировать

образы? Какое влияние оказывает оно на филогенетическое и онтогенетическое становление человека? Образ является пересечением внутреннего и внешнего, и в этой функции состоит его предназначение. Сила воображения создает в человеке образ мира, способствуя удержанию во внутреннем мире внешнего. Проектирование мира с помощью ментальных образов означает «проявление мира» и восприятие его в качестве поля практики. Впервые в истории человечества, наряду с передачей по традиции текстов, накапливаются, архивируются и передаются в огромных количествах образы. Фото, фильмы, видео становятся опорой для памяти. Образы, являясь специфической формой абстракции, трансформируют пространство. Они приводят к исчезновению «действительного». Мир видимости разрастается и имеет тенденцию поглощать содержательную реальность других «миров». Образы легко доступны и воспроизводимы и потому в социальном отношении очень действенны. Они формируют публичное пространство, разделяемое многими людьми. Они превращаются в «сетевые» артефакты, поддерживая совместное вовлечение в процессы конституирования сообществ, формирования чувства коллективности, взаимной сопринадлежности, за которой стоит общность переживания идеи пространства. Под влиянием глобализации эти сетевые образы распространяются, проницая границы национальных культур и создавая новые транснациональные формы сознания. Как отмечает О. Горюнова, «создание Интернета как искусственной среды чисто умозрительного обитания человека в основе своей представляет сборку выявленных в результате многоступенчатого структурного анализа элементов аппарата воспроизведения абстрактной картины мира» [4, с. 99].

К. Вульф обращает внимание на то, что все больше и больше производится образов, отправной точкой которых являются только они сами и которым не соответствует никакая действительность. Все значимое стихийно превращается в игру образов. Например, в форме различных цифровых медиа современный человек создает и реализует образы, как

особую виртуальную среду вне своего тела. В связи с этим встает вопрос о том, можно ли считать цифровой образ чем-то иным по отношению к иным практикам иконографии? К. Вульф полагает, что цифровой образ не является отражением реальности, т. к. он создается математически и его свойства являются кажущимися. Математическая симуляция является результатом, полученным как следствие естественнонаучного метода.

Основу взаимодействия человеческого опыта, социальных participаций и воображаемых процессов составляет поливалентность психических процессов [3]. Э. Морен указывает, что экранные изображения активизируют элементарный процесс проекции-идентификации. В практическом восприятии многие тенденции мышления атрофированы, приглашены или направлены в сторону объективного узнавания. Поток изображений, чувств, эмоций создают эрзац потока сознания, который приспособляется и приспособляет к себе коенестезический, аффективный и интеллектуальный динамизмы зрителя. Человеческий взгляд в его перцептивной расшифровке реальности всегда подвижен. «Отсутствие или атрофия моторной, практической или активной participации (одно из этих определений подходит лучше другого в зависимости от конкретного случая) тесно связаны с психической и аффективной participацией. Participация зрителя, не имея возможности выразиться в действиях, становится внутренней, ощущаемой. Кинестезия зрелища поглощается коенестезией зрителя. Отсутствие практической participации таким образом определяет интенсивную аффективную participацию: настоящие смещения осуществляются между душой зрителя и зрелищем на экране. Подвижность камеры, последовательная смена частичных планов, касающихся одного и того же предмета интереса, приводят в действие двойной процесс восприятия, идущий от фрагментарности к тотальности, от множественности к единству объекта. Фрагментарные ощущения соучаствуют в глобальном восприятии: практическое восприятие является восстановлением целостного на основе знаков. Но оно осуществляется

в рамках другой фрагментарной и скачкообразной расшифровки, на сей раз механической, осуществляемой самим фильмом» [3, с. 125]. Восприятие моделируется и управляется психологическим видением. Перцептивное уравнение работает благодаря тому, что камера копирует деятельность зрительного восприятия. Восприятие восстанавливает гомогенность, предмет, событие, время и пространство, опираясь на фрагментарные серии. Образ шире угла зрения нашего глаза: он захватывает воспоминания и перспективу видения, вовлекая в обзор нашу собственную личность. Зрение дополняется воображаемыми дополнениями и психологическими рационализациями.

Общность перцептивных (практических) и аффективных явлений создают эффекты психологического видения. Перекресток объективаций и субъективаций, реального и воображаемого – это проекция-идентификация. Аффективные проекции-идентификации определяются процессами воображаемого. Объективные проекции-идентификации вводят процессы воображаемого в сферу практической детерминации, рационализирующих структур, идентифицирующих предмет с видом или родом. Этот механизм позволяет описание бесконечно сложных сред сводить к моделям действия в зрительном, речевом и соматосенсорном каналах восприятия. Элементы обобщения содержатся в самых простых психических феноменах, таких как ощущение. Но аспекты воспроизводства образа в созерцании, внимательная задержка на нем – это не меньшее эволюционное достижение, чем его интерпретация. Эта форма рефлексивной активности сказывается на способности к экстраполяции, предвидению будущих ситуаций, установлению ассоциативных связей, формированию абстракций, разработке вариантов формализации знания, реализации манипуляционного поведения. Мозг не только «фильтрует» и «перерабатывает» импульсы, поступающие от органов чувств, но и активно ищет чувственные стимулы как исходный материал для генерирования воспринимающих паттернов. Сознание на их основе формирует индуцированную стимулами активность [5, с. 13]. Это описание позволяет

получить представление об основаниях коммуникационных процессов, развивающихся в направлении усложнения стимульных реакций. Оно позволяет понять, каким образом нейродинамика прототипической чувствительности связана с формированием базиса сознания, как сети образных референций могут функционировать как мышление и выступать механизмом коммуникативной самоорганизации. Более сложные психические процессы не отменяют простых форм реагирования, а надстраиваются над ними в качестве метаинформационной среды. Согласно гипотезе Ф. Крика и К. Коха, для возникновения зрительного ощущения необходима согласованная работа зрительной коры, гиппокампа и лобной доли [6, с. 121]. Редупликация связей внутри рефлексивных сетей производится на основе распознавания образов [7, с. 135]. Связь психических, личностных и социальных процессов на всех уровнях взаимодействия задается коммуникационными кодами и связями. Это позволяет не только обновлять устойчивые связи и ассоциации, но и конструировать смыслы.

Современные технологии являются открытым полем экспериментов в сфере визуального. Многие исследователи отмечают, что сегодня технологический прорыв в сфере социального информационного взаимодействия становится вторичным по отношению к разработке техник адаптации к свободным изменениям в современной культуре. В этой ситуации обобщение и развитие идей, связанных с изучением прагматики визуальных практик, становится вопросом развития современных инновационных образовательных проектов. Апелляция к «возможному человеку» является проектом воссоздания тех состояний, перед лицом которых человек оказывается способным изменить самого себя. Разработка методологических оснований исследований деятельности такого рода включает в себя и проблему интердисциплинарного исследования аспектов прагматики визуальных практик. Образование в этом смысле является практикой социального взаимодействия, которая с особой тщательностью отрабатывает конструктивные аспекты визуального, позволяющие поддерживать

предметную определенность описания разнообразных явлений и устранять различие между процессами восприятия разных людей.

Литература

1. Werlen B. Society, Action and Space. An Alternative Human Geography // With a Preface by Anthony Giddens. – 1998. – № 2.

2. Вульф К. Homo pictor oder die Erzeugung des Menschen durch die Imagination // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Философия. Филология. – 2008. – № 1 (3). – С. 121–136.

3. Morin E. Le cinema ou J'homme imaginaire // Essais d'antropologie sociologique. – Paris : Les Editions de minuit, 1956. – P. 97–132.

4. Горюнова О. От текста к медиа. Дискурсивные особенности Internet // Взгляд с Востока. – М. : MediaArtLab, 2000. – С. 99–103.

5. Фриман У. Дж. Динамика мозга в восприятии и сознании: творческая роль хаоса // Синергетика и психология. Когнитивные процессы. – М. : Когито-центр, 2004. – Вып. 3. – С. 13–28.

6. Crick F. Are we aware of neuronal activity in primary visual cortex? / F. Crick, C. Koch // Nature. – 1995. – Vol. 375. – № 625. – P. 121.

7. Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. – М. : Прогресс, 1975. – 464 с.

Автоматизация учебно-методической и психолого-педагогической поддержки учащегося в системе дистанционного обучения

А. В. Фещенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В условиях развития электронного обучения возникает потребность в разработке автоматизированных систем сопровождения учебного процесса нового поколения, помогающих решать функции тьютора: сопровождения и поддержки самообразования, индивидуального образовательного поиска, реализации индивидуальных образовательных программ.

В качестве пилотного проекта в Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) ведется разработка модели подобного «Электронного тьютора», основной целью которой является повышение эффективности электронного обучения при реализации программ дополнительного профессионального образования.

Конечно, искусственная информационная система не может заменить живого тьютора, но возможна автоматизация некоторых его задач, связанных с функциями диагностики,

учебно-методической поддержки, мотивации и контроля учебной деятельности.

Основной задачей разрабатываемой системы в реализации функции диагностики является определение индивидуальных особенностей обучающегося для разработки индивидуальной траектории обучения и оценка результативности учебной деятельности с помощью следующих подфункций:

- определение индивидуальных особенностей обучающихся (стиль обучения, доминирующий тип мышления и др.);
- определение установок обучающихся на обучение, их потребностей, мотивов, ожиданий, опасений и причин, их вызывающих;
- определение и анализ опыта, знаний и умений обучающихся по содержанию курса;
- формирование индивидуальной образовательной программы на основе инвариантного содержания курса, уровня сложности